

НАРОДЫ СССР

Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX века. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия, т. XXXI, М., 1956. 805 стр.

Жизнь русского, украинского и белорусского народов, народное жилище, хозяйственные постройки, утварь, одежда, искусство и фольклор, народные верования и обычаи издавна привлекали к себе самое пристальное внимание русских ученых и путешественников. Уже в XVIII в. наиболее прогрессивные общественные деятели России, наблюдая труд и быт народа, укреплялись в своих революционных настроениях. Недаром самые пламенные обличительные строки Радищева связаны с описанием крестьянского быта¹.

Специальная этнографическая литература, посвященная русским, украинцам и белорусам, насчитывает сотни статей и книг, вышедших как до революции, так и в советское время. И все же мы напрасно стали бы искать среди них обобщающих работ, сколько-нибудь полно описывающих материальную и духовную культуру восточных славян. Единственная обобщающая работа по восточнославянской этнографии, написанная Д. К. Зелениным и изданная на немецком языке, вышла уже более тридцати лет назад и никогда не была переведена на русский язык². Это был сильно архаизированный и довольно краткий этнографический обзор русских, украинцев и белорусов, основанный преимущественно на материалах, собранных еще в дореволюционное время.

Советские этнографы провели ряд крупных экспедиций, поставивших в широком масштабе исследование различных сторон этнографии восточных славян. Здесь особое место заняли экспедиции по комплексному этнографическому изучению отдельных районов средней полосы России, проведенные в 1920-х — 1930-х годах, а также экспедиции по изучению украинцев и белорусов, населения русского Севера и русского населения Сибири, Средней Азии, Северного Кавказа и других областей, организованные как до Великой Отечественной войны, так и в послевоенное время. Накопленный этими полевыми исследованиями огромный материал представляет особенно большую ценность потому, что за годы Советской власти все народы нашей страны, и в том числе русские, украинцы и белорусы, так далеко продвинулись вперед по пути социалистического развития, что очень многие особенности их прежней жизни либо вовсе исчезли, либо отмирают. Фиксация этой революционной ломки старого и этнографическое описание новых, социалистических наций — особая и почетная задача советских этнографов, но большое значение для общественных наук имеет и исследование закономерностей этнической истории и развития культуры народов, обобщение материалов, накопленных этнографической наукой о народной жизни прошедших веков.

Поэтому вышедший в серии трудов Института этнографии АН СССР «Восточнославянский этнографический сборник» можно оценить как крупный вклад в советскую этнографию. Он посвящен важнейшим проблемам материальной культуры русских, украинцев и белорусов прошлого и начала нынешнего столетия. Сборник содержит три работы: «Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения)» Е. Э. Бломквист, «Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.» Н. И. Лебедевой, «Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в.» Г. С. Масловой. Каждая из этих работ представляет собой крупное обобщающее исследование в данной области материальной культуры восточных славян, построенное на многолетних полевых исследованиях авторов, на изучении материалов предыдущих исследователей и на обширной литературе вопроса, с привлечением данных археологических и письменных источников, фольклора и художественной литературы.

Особое достоинство этих работ составляет их глубокий историзм, стремление авторов использовать этнографический материал для разрешения вопросов этнической истории народа, связать ряд явлений с определенными чертами социально-экономического развития крестьянства.

Несколько нарушая общепринятый порядок, согласно которому рецензент говорит обычно сначала о положительных сторонах книги, а потом уже о ее недостатках, мы хотим уже сейчас отметить, что вряд ли целесообразно было объединять в один том три такие крупные самостоятельные обобщающие работы по разным вопросам материальной культуры. Ведь каждая из них по своему содержанию (не говоря уже об объеме — работа Е. Э. Бломквист занимает 460 стр., Н. И. Лебедевой — 80 стр., Г. С. Масловой — 210 стр.), по широте и глубине охвата темы представляет самостоятельный интерес и вполне могла бы выйти отдельной книгой, тем более что этнографы, работающие в области славянского жилища, далеко не всегда интересуются также и специфическими вопросами, связанными с прядением и ткачеством, а специалисты по народной одежде — конструкцией кровли избы.

Рассматривать работы Е. Э. Бломквист, Н. И. Лебедевой и Г. С. Масловой мы будем в отдельности, ибо каждая из них представляет, как уже было сказано, большой самостоятельный интерес.

¹ А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, М.—Л., 1950, стр. 186.

² D. Zelenin, Ostslawische (Russische) Volkskunde, Berlin — Leipzig, 1927.

* * *

Работа Е. Э. Бломквист «Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов» по своему содержанию намного шире этого заглавия. Предметом тщательного изучения автора являются не только крестьянские постройки, но и сельские поселения в целом, их типы, расположение на местности, планировка и застройка. Это обстоятельство частично отражено в подзаголовке работы «Поселения, жилища, хозяйственные постройки». Но кроме того, в работе (особенно в ее исторической части) содержатся сведения и о постройках феодалов, и о городских зданиях.

Е. Э. Бломквист собрала поистине огромный материал, характеризующий поселения, усадьбы, жилые и хозяйственные постройки, технику строительства зданий и отдельных их частей, их наружные и внутренние украшения, оборудование и обстановку. Стремясь охватить свою тему во всей полноте, исследовательница ввела в работу специальные разделы о водоснабжении, отопительных и осветительных средствах. Она рассматривает также организацию самих строительных работ и обряды, связанные с сооружением и дальнейшим использованием строений. В разных частях своей работы Е. Э. Бломквист касается целого ряда вопросов, связанных с сельским хозяйством, промыслами и бытом. Работа о крестьянских постройках превратилась, таким образом, в картину жизни русского, украинского и белорусского крестьянства, где нашли свое место и типы поселков, и застройка усадеб, и различные «планы» внутреннего устройства дома, и его «неподвижный наряд», и снопосушильни, и бани, и колодцы, и проруби, и даже крестьянские скрины и сундуки. При таком обилии привлекаемого автором материала естественны некоторые трудности в его размещении.

Структурно работа представляется не совсем четкой. Так, обстановка жилища отделена рядом глав от его внутренней планировки, украшения жилища — от техники его постройки, что вызвало повторения (стр. 288 и др.); по чисто формальному, на наш взгляд, признаку (на том основании, что она не связана с домом) от жилого комплекса оторвана баня и помещена в раздел «хозяйственных строений, с жильем не связанных», вместе с овинами, мельницами и пр. Есть и неоправданные длинноты. Так, много места отведено древнерусским изразцам XII—XVII вв., их истории и внешнему виду, хотя сам же автор признает, что крестьянское жилище до конца XIX в. изразцов не знало (стр. 412), так как (прибавим от себя) изразцы стояли в древности чрезвычайно дорого и были доступны лишь очень богатым людям. Вряд ли нужно было также подробно описывать сундучный промысел и торговлю сундуками на ярмарках (стр. 427). Число подобных примеров можно было бы увеличить.

Основные положения труда Е. Э. Бломквист представляют собой итог тщательного изучения источников и критического анализа почти всей существующей литературы, прямо или косвенно касающейся предмета работы. Наблюдения приводят автора к чрезвычайно интересным выводам. Таков, например, вывод о неудобстве обоих южновеликорусских планов избы, который Е. Э. Бломквист подкрепляет данными о вытеснении этих планов другими в местах контактов и скрещений отдельных локальных групп, в результате чего площадь распространения южновеликорусских типов планировки сокращается, а средневеликорусский и украинский типы занимают их территорию (стр. 234). Нужно, однако, отметить настойчивое стремление автора доказать во всех случаях развитие форм жилища и отдельных его частей от простых к более сложным (как это делалось и ранее в работах эволюционистов). Между тем, изменение условий жизни народа и развитие техники может повести и к упрощению форм жилища. Достаточно указать, например, что индивидуальные однокамерные жилища по своей внутренней планировке значительно проще более древних общинных домов, как это прослежено, например, при раскопках В. И. Равдоникаса в Старой Ладоге³.

Одной из наиболее содержательных и интересных является IV глава работы — «Техника крестьянского строительства и конструктивные приемы». Здесь автор сумел в чрезвычайно сжатой форме ярко показать все характерные черты крестьянской строительной техники. При этом автор подчеркивает и глубокую древность основных приемов деревянного зодчества. Добавим здесь, что материалы археологических раскопок в древнерусских городах при большем к ним внимании (а автор вообще использует материал о древних городских зданиях) помогли бы точнее определить время возникновения и распространения на Руси отдельных строительных приемов. Например, соединение углов сруба «в лапу», конечно, более поздний прием, чем рубка «в обло». Но он появляется не в XVII в., как это можно понять из текста работы (стр. 70), а по крайней мере в XIV в. Ведь стены и башни дубового Кремля, построенного в Москве в 1339 г., сооружались уже с применением рубки углов «в лапу». В Государственном историческом музее экспонированы части восьмигранной башни Кремля Калиты, а также части хозяйственных построек начала XVI в., открытых при раскопках в Москве на территории Зарядья. Углы этих строений соединены «в лапу с зубом»⁴. Точно так же весьма древним оказывается способ утепления избы при помощи завалинок⁵. Тер-

³ В. И. Равдоникас, Старая Ладога, ч. II, Сб. «Сов. археология», XII, М.—Л., 1950, стр. 14.

⁴ Государственный исторический музей, залы XV и XVI.

⁵ М. Г. Рабинович, Дом и усадьба в древней Москве, «Сов. этнография», 1952, № 3.

мин «стріха» («стрѣха») — крыша, бытующий на Украине, впервые встречается нам еще в знаменитом рассказе о мщении Ольги древлянам за смерть Игоря, помещенном в «Повести временных лет» под 946 г.⁶, т. е. имеет здесь по крайней мере тысячелетнюю давность.

Термин «клеть» в строительной технике трудно связывать с «клетью» — частью избы (стр. 22). Он, по всей вероятности, значительно древнее трехкамерного жилища и обозначал некогда попросту четырехугольный сруб. Недаром в писцовых книгах XVI в. неоднократно говорится о церквях, рубленных «клетски», т. е. представлявших собой четырехугольный в основе сруб. Скорее можно думать, что название части избы — «клеть» связано с более древним значением его — «сруб».

Уделяя главное внимание деревянным постройкам, автор значительно менее подробно описывает технику сооружения глинобитных и саманных строений и уже совсем в общих чертах — кладку кирпичных стен и устройств черепичных и железных кровель. Это, впрочем, вполне соответствует распространенности данных технических приемов и тому значению, которое они имели в крестьянском хозяйстве. К тому же приемы каменной кладки и покрытия железом и черепицей в конце XIX — начале XX в. достаточно освещены в специальной литературе того времени (например, в «Урочном положении для строительных работ») и не нуждаются в специальном этнографическом анализе.

В главе V «Развитие типов крестьянского дома» Е. Э. Бломквист дает чрезвычайно интересное и убедительное описание развития крестьянского жилища от однокамерного к многокамерному. Однако трудно безоговорочно согласиться с автором в том, что первым видом двухкамерной постройки всегда является изба с сенями и что пятистенки появляются очень поздно (стр. 136—148). Во-первых, сам древнерусский термин «сени», на который ссылается Е. Э. Бломквист (стр. 139—140), употребляется в древних источниках в ином смысле, чем теперь, и обозначает крытую галерею второго этажа в богатых домах (например, во дворцах киевских и тверских князей)⁷. Галерея эта могла соединять различные части жилища. Известно, что «на сенях» охотно проводили время князья и дружинники. Во всех этих описаниях мало общего с «мостом» или «сенями» крестьянской избы. Известно, что сени появляются иногда в последнюю очередь и именно как соединение двух срубов — избы и клети. Археологические раскопки в Новгороде и Москве показали, что уже в XIII—XV вв. встречаются двухкамерные жилища пятистенной конструкции⁸; при этом иногда можно установить, что оба помещения были жилыми, а сеней у данной постройки не было. Пути развития плана жилища были, по-видимому, многообразны. Трехкамерные постройки в Новгороде прослеживаются уже с XI в. сначала как пристройки легких сеней к пятистенному строению, а затем, в XIII—XIV вв., как соединение сенями двух срубов. На подобную конструкцию указывают и более поздние московские переписные книги XVII в.: «А на дворе хором: изба, против нее клеть, меж их сени, ограда, ворота»⁹.

В главе VI «Основные типы крестьянских усадеб и надворные постройки» Е. Э. Бломквист дает и подробно обосновывает новую схему классификации крестьянских усадеб, отправляясь в качестве главного признака от типа примыкающего к жилищу двора (стр. 162—163). Схема эта значительно сложнее предложенной в свое время С. П. Толстовым классификации¹⁰; основное достоинство схемы Е. Э. Бломквист в том, что она позволяет учесть больше локальных типов застройки усадьбы и включить огромный полевой материал, вошедший в научный оборот за последние три десятилетия. Большой интерес представляет и схематическая карта распространения типов крестьянской застройки, наглядно иллюстрирующая предложенную Е. Э. Бломквист схему. Вообще приложенные к работе карты чрезвычайно помогают усвоению читателем того весьма трудного материала, который собран и обобщен автором. Особенно удачна, на наш взгляд, карта «Обзор основных типов планировки восточнославянского жилища (на примере трехкамерной постройки)» (стр. 235). Помещенная на ней схема планов жилища чрезвычайно упрощает усвоение типов планировки жилища, которые в прежней этнографической литературе описывались довольно путанно.

Мы уже говорили выше, что Е. Э. Бломквист, стремясь как можно полнее охватить свою тему, не ограничивается анализом построек в целом. Она подробно останавливается на всех деталях постройки, устройстве печи и технике ее сооружения, видах топлива и осветительных материалов, приспособлений для держания лучины, и т. п. Здесь можно было бы подчеркнуть чрезвычайную устойчивость форм осветительных приборов — железных светцов, глиняных плошек и подсвечников, сохранявших и в начале XX в. древнерусские формы. Автор отмечает даже такую как будто незначительную деталь, как то, что в Белоруссии в постные дни не употребляли для освещения ни сальных свечей, ни плошек с салом (стр. 275). При столь подробном изложении не

⁶ «Повесть временных лет», Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950, т. I, стр. 43.

⁷ ПСРЛ, т. XXV, М., 1949, стр. 19, 168 и др.

⁸ Б. А. Колчин, Топография Неревского раскопа, «Материалы и исследования по археологии СССР», 55, 1956; М. Г. Рабинович, Указ. раб.

⁹ ЦГАДА, ф. Оружейной палаты, стб. 43030, л. 13.

¹⁰ С. П. Толстов, К этнологической систематике элементов великорусской культуры жилища в средней России. Сборник «Культура и быт населения Центрально-промышленной области», М., 1929, стр. 81.

обошлось и без некоторых неточностей, которых можно было бы избежать. Так, на стр. 277 Е. Э. Бломквист утверждает, что «во многих сельских районах керосин широко употребляли уже в 1870—1880-х годах, а в 1890-х он распространился повсюду, и к началу XX в. все остальные способы освещения почти сошли на нет»; между тем всего тремя страницами раньше (стр. 274) приводятся статистические данные совсем иного порядка. Оказывается, что еще в 1924 г. из обследованных санитарной комиссией 10 тыс. хат 54% (т. е. больше половины) освещались не керосином, а плошками — «каганцами». Здесь, по всей вероятности, сказалась разлука после первой мировой и гражданской войн, но автор этого не оговаривает.

Мы не ставим себе задачей изложить в сравнительно краткой рецензии сколь-нибудь полно содержание этой большой обобщающей работы. Хочется лишь отметить еще один интересный прием автора. Е. Э. Бломквист, строя свою работу в основном на базе полевых исследований и научной литературы вопроса, никогда не упускает случая привлечь для создания более яркой картины быта крестьян произведения современной художественной литературы. В разных местах работы читатель встречается знакомые, полувившиеся ему образы из произведений Пушкина, Гоголя, Тургенева. Вот пузатый Пацюк ест галушки и вареники, сидя «на полу по-турецки», и автор поясняет нам, что «пол» здесь надо понимать не в нашем современном, а в этнографическом смысле (деревянные мостки возле печи, на которых спят). Вот Евгений Онегин входит в старый дом своего дяди — и автор обращает внимание на простое убранство комнат. Однако, если такие примеры могут служить источником для восстановления быта начала XIX и даже конца XVIII в., то вряд ли можно привлекать в качестве исторического источника «Тараса Бульбу» (стр. 122), так как Гоголя отделяет от XVII в. слишком большой период времени. На эту мелочь не стоило бы обращать внимания, если бы в нашей исторической науке не стоял еще довольно остро вопрос о возможности привлечения произведений художественной литературы в качестве исторических источников.

Относясь, с величайшим уважением к памяти покойной Е. Э. Бломквист, одного из выдающихся советских этнографов, и в частности, — лучших знатоков крестьянских построек, мы не хотели бы полемизировать с ней по частным вопросам. Однако, учитывая, что такая крупная обобщающая работа представляет определенный этап в развитии этнографической науки и дает направление дальнейшим исследованиям в данной области, приходится отметить некоторые, на наш взгляд существенные, недостатки этого прекрасного исследования. Наиболее слабыми его частями являются глава XV «Воздействие строительной культуры восточных славян на их соседей (в прошлом)» и заключение ко всей работе.

В главе XV автор останавливается на вопросах, которые затрагивались им и ранее при описании различных сторон строительной техники, а именно на большом сходстве как общего облика жилища и усадьбы восточных славян, так и отдельных деталей их строительной техники — с постройками соседних народов: карел, эстонцев, латышей, литовцев, татар, мордвы, мари, удмуртов и др. В отношении карел Е. Э. Бломквист так и пишет: «Очень часто в перемежающихся смешанных русско-карельских селениях восточных районов Карелии невозможно отличить постройки русской и карельской работы» (стр. 446). Но такое сходство имеет глубокие корни в общности географических условий, которые являются важным фактором развития жилища, а также — в общности социально-экономического развития и исторических судеб крестьян этих национальностей в пределах царской России. Свести этот вопрос только к влиянию русской строительной техники и домашнего быта на соседей и к заимствованию этими соседями ряда терминов (что само по себе, разумеется, чрезвычайно важно) нам не представляется возможным. Ведь можно было бы указать и ряд примеров проникновения в русский язык чужих терминов (например, «амбар»). Думается, что дальнейшие исследования жилища народов, населяющих нашу страну с глубокой древности до наших дней, сочетание археологических и этнографических материалов, относящихся к данной теме, помогут исследователям более удачно разрешить сложный вопрос о взаимовлияниях в области терминологии. Вообще сравнительный этнографический материал привлечен Е. Э. Бломквист недостаточно полно. Поэтому и выводы ее далеко не всегда связаны с предыдущим текстом работы. Так, автор не раскрыл в должной мере особенностей, присущих «каждому из типов восточнославянского жилища, характерному для той или иной зоны» и отличающих его «от соседних типов той же зоны» (стр. 456, разрядка наша. — М. Р.), вследствие чего не находят достаточного обоснования и тезисы об автохтонности и самобытности восточнославянского жилища. Подкрепление этих совершенно правильных тезисов более обильным сравнительным материалом остается одной из важных задач дальнейших исследований.

* * *

Статья Н. И. Лебедевой «Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.» посвящена, как говорит само ее название, довольно узкой специальной теме. Автор ставит себе задачу всестороннего рассмотрения этого домашнего промысла, прослеживает его многовековую историю, описывает все этапы процесса, виды сырья, орудия труда и важнейшие приемы работы.

Монографическое изучение прядения и ткачества имеет большое значение для исследователей материальной и духовной культуры восточных славян, так как с глубокой древности вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции подавляющее большинство русских, украинских и белорусских крестьян одевалось преимущественно в ткани домашнего производства и самый процесс прядения, ткачества и заготовки нужного сырья занимал большое место в жизни дореволюционной деревни. Автор убедительно показывает, что в свободный от полевых работ зимний период большую часть времени женщина была занята нелегким трудом — прядением ниток и тканьем материй, из которых шили потом одежду для всей семьи.

Работа Н. И. Лебедевой полезна и для археологов, ибо описание всех деталей процессов приготовления волокна, прядения и ткачества и воспроизведение всех употреблявшихся при этом приспособлений и инструментов поможет определить многие предметы, находимые при раскопках, и восстановить по фрагментам тканей уровень развития и приемы этого мастерства в древности.

Н. И. Лебедева начинает свою работу с характеристики материалов, из которых изготовлялось волокно: шерсти и растений — льна, конопли, крапивы, мочала из луба липы. Затем она описывает процессы подготовки этих материалов к прядению — стрижку, чесанье и битье шерсти, выращивание, дерганье, обмолот, стлание и мочение, мятье, трепание и чесание льна и конопли. Далее так же детально описывается прядение ниток, их мотание, сучение и снование, плетение и тканье и, наконец, обработка готовых тканей — беление холста, валяние сукон и т. п. Особое внимание уделено технике тканья и, в частности, различным приемам, благодаря которым получают широко известные этнографам ткани и различные варианты узоров на них. К работе приложена карта распространения некоторых типов тканей и орудий обработки волокнистых растений и шерсти во второй половине XIX в. Здесь особенно ясно видно, что ареал синей клетчатой ткани для понев почти совпадает с древней областью расселения славян-вятичей и лишь немного сдвинут на юг по отношению к вятичской земле, не доходя до Москвы, которая, как известно, находилась на земле вятичей, неподалеку от их северной границы с кривичами¹¹.

Н. И. Лебедева, посвятившая много лет изучению прядения и ткачества, дает исчерпывающее описание всех деталей этих процессов и их особенностей в отдельных районах. Однако в такой специальной работе хотелось бы увидеть еще более полное научное объяснение технологии некоторых процессов. Так, читатель узнает из статьи Н. И. Лебедевой все приемы прядения с применением пряслиц — и древние, и современные (стр. 82—83), но ему остается неясным, зачем вообще нужно пряслице? Ведь это — своеобразный маховичок, усиливающий вращение веретена и тем способствующий получению более ровной нити¹². Точно так же, описывая на стр. 503 беление холста, нужно было бы сказать хоть несколько слов о химической и механической сущности этого процесса. Иначе современному читателю не будет ясно, для чего холст, окунув в воду, кладут на камень, колотят вальками или топчут ногами, затем расстилают полугу мокрым, а на ночь кладут в котлы и заливают «раствором» (употребляя выражение автора) березовой золы в воде. Неясно также, для чего сотканые сукна нужно еще валять, а шерстяную ткань для юбок — лощить. В этой связи полезно было бы дать в работе краткую технологическую характеристику различных видов волокна, шерстяного и растительного. Тогда многое в деталях процессов получения и обработки волокна стало бы гораздо яснее. Современная наука легко объясняет то, до чего народ доходил эмпирически, в результате накопления опыта многими поколениями.

Крашение ниток автор также обходит молчанием, что, по нашему мнению, несколько обедняет это важное исследование. Ведь натуральные красители, которыми пользовались наши предки, до сих пор как следует не изучены, хотя такое изучение представляет научный интерес и имело бы большое практическое значение.

Одним из существенных достоинств работы Н. И. Лебедевой является то, что описание прядения и ткачества XIX в. органически связано с вопросами о происхождении и бытовании в древности тех или иных орудий труда и приемов обработки волокна. Но зачастую автор слишком далеко заходит в исторических аналогиях. Так, вряд ли к работе о восточных славянах могут иметь прямое отношение сведения о том, что еще древние египтяне в эпоху 22-й династии умели ткать мешки и одежду без швов (стр. 512).

Иногда автор без оговорок пользуется существующими в литературе объяснениями археологических находок, являющихся еще предметом дискуссии специалистов. Так, на стр. 513, ссылаясь на работы Б. А. Рыбакова и О. Н. Бадера, Н. И. Лебедева без всяких оговорок признает так называемые «грузики дякова типа» принадлежностями вертикального ткацкого станка и на этом основании делает заключение о глубокой древности этого станка у восточных славян. Мы разделяем мнение упомянутых археологов. Но ведь это пока лишь гипотеза, существующая наряду с многими другими объяснениями «грузиков». И об этом надо было хотя бы упомянуть, как и о том, что этническая принадлежность некоторых городищ дякова типа до сих пор является предметом

¹¹ См. карту расселения вятичей и кривичей в работе: М. Г. Григорьев, Древняя Москва. В сборнике «По следам древних культур (Древняя Русь)», М., 1953, стр. 331.

¹² Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 186.

дискуссии специалистов¹³, а городища городецкого типа никогда не считались славянскими.

С другой стороны, автор упускает ряд бесспорных аналогий, представленных в памятниках русского средневековья. Так, часть льномялки, гребень и гребенка, веретено, юрок, педали от самопрялок найдены при раскопках в Москве в слоях XIII—XVI вв.¹⁴ В этих же слоях найдены и части поясов, тканых на подножках. Характерно, что формы указанных выше инструментов в точности схожи с более поздними. Например, пряжа, изображенная на широко распространенной фарфоровой статуэтке завода Попова (середина XIX в.), пользуется в точности таким же гребнем, как найденный в развалинах московской усадьбы, сгоревшей в 1468 г. На стр. 483 автор и сам указывает, что до недавнего времени в Рязанской области пользовались пряслицами, находимыми на месте бывшего здесь в XVI в. поселения. Подобная устойчивость форм инструментов чрезвычайно интересна как наглядная иллюстрация застойности техники крестьянского хозяйства в царской России.

Работа Н. И. Лебедевой, несмотря на некоторую неполноту, представляет большую ценность, так как фиксирует технику уже почти повсеместно исчезающего домашнего промысла.

*
*
*

Монография Г. С. Масловой «Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в.» представляет собой, как и две другие работы сборника, результат многолетних исследований автора. Накопленный более чем за тридцать лет материал прекрасно обобщен и сгруппирован. В начале Г. С. Маслова дает общую характеристику мужской и женской одежды русских, украинцев и белорусов и указывает особенности одежды отдельных локальных и социальных групп населения (поморов, однодворцев и т. п.). Она прослеживает в общих чертах судьбы традиционного русского костюма у различных слоев и групп, иллюстрируя свои положения яркими примерами из жизни деревни соответствующего времени. Большое впечатление производит, например, приведенное автором описание хороводов, каждый из которых отличался качеством сарафанов его участниц — славутниц, бархатниц, гарусниц и, наконец, девушек в ситцевых сарафанах (стр. 565).

Это введение является первым в нашей этнографической литературе комплексным описанием восточнославянской одежды. Оно сразу дает читателю ясное представление о значении народной одежды как исторического источника и, главное, об общих и локальных чертах всего комплекса одежды в целом. После этого дальнейший анализ отдельных частей одежды, их материала, покроя и способа ношения уже не может иметь того сухого и отвлеченного характера, который так затрудняет восприятие некоторых прежних работ в этой области.

Детальный разбор одежды автор начинает с материала, причем приводит сведения и о материях, из которых делалась одежда у восточных славян с глубокой древности. Соглашаясь с выводом Г. С. Масловой, что шерстяные ткани были издавна широко распространены, мы не стали бы, однако, использовать в качестве аргумента то обстоятельство, что среди находок тканей в курганах преобладают фрагменты шерстяных тканей (стр. 568). Ведь ткани вообще чрезвычайно редко сохраняются, а в этих редких случаях животное волокно (шерсть, шелк) и нити с металлом (парча, золотое шитье и т. п.) сохраняются несравненно лучше, чем растительное волокно (лен, конопля). Этим и объясняются находки в крестьянских курганах XI—XIV вв. фрагментов шерстяных, шелковых и парчовых тканей. Но сам характер этих фрагментов (части головных уборов, поясов, накосные ленты, реже — части верхней одежды или чулок) говорит о том, что основную одежду — рубаху, порты — шили из льняных тканей, которые, следовательно, и в это время были более распространены, чем шерсть. Иногда археологи находят любопытные свидетельства о материале одежды — льняная рубаха в результате разложения ткани и окисления металла оставляет отпечатки на украшениях (например, отпечаток рукава на бронзовом браслете) или, пропитываясь ржавчиной, сохранившей следы структуры ткани, прилипает к железному предмету.

Автору рассматриваемой работы не стоило бы также распространять на всех восточных славян обычай хождения без рубахи (стр. 577), как о том пишут Прокопий и Ибн-Фадлан. Ведь ни тот, ни другой автор не мог видеть, например, жителей Приильменья, а суровый климат этих мест вряд ли позволял обходиться без рубахи. Мы имеем все основания предполагать, что в X в. даже киевский князь Святослав во время своего известного свидания с византийским императором Иоанном Цимисхием был облачен в светлую холщевую или полотняную одежду.

О древности всего севернорусского комплекса мужской одежды чрезвычайно убедительно свидетельствует одна из недавно найденных новгородских грамот, написанных на бересте. «У Сидора у Тадуя у Ладопги положили Гришка с Костою. А Гришки кожоухе, свита, сороцица, шапка. А Костина свита, сороцица... А сапоги Костины.

¹³ См., например: А. П. Смирнов, Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии, «Сов. археология», 1957, № 3.

¹⁴ М. Г. Рабинович, Из истории быта городского населения древней Руси, «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 39—41.

А другие Гришкины. А что ся подите на Мовозери, приславъши възмете»¹⁵. Это — закладная расписка, выданная Сидором Тадуем в XIII в. в получении кожуха, шапки, двух свит, двух сорочек и двух пар сапог. От заклада уцелели, как будто, только порты. Рубаха была, видимо, настолько важной принадлежностью мужского туалета, что, отправляясь в дальний путь, обязательно стремились иметь с собой запасную рубаху. Так, новгородец Борис в конце XIV в. писал откуда-то своей жене Настасье: «...Како приде ся грамота, тако пришли ми цоловекъ на жереппе, зане ми здесе дель много. Да пришли сорощицу, сорощице забыле»¹⁶.

Трудно согласиться с Г. С. Масловой, что древняя восточнославянская мужская рубаха всегда имела прямой разрез ворота (стр. 578). Детальный осмотр подлинника бронзовой фигурки из клада VI в. не оставляет сомнений в том, что вышитая вставка на груди рубахи цельная, а разрез, следовательно, должен помещаться сбоку. Изображение земледельца из псковской рукописи XI—XII вв. также ясно показывает, что разрез ворота был сбоку, на левой стороне. А прямого разреза ворота на приводимых автором миниатюрах Кенигсбергской летописи нет вовсе. Читатель и сам легко убедится в этом, посмотрев рисунки 10, 2, 11 и 24 в работе Г. С. Масловой и сравнив их с более поздней рубахой, имеющей в самом деле прямой разрез ворота (рис. 16). По-видимому, в древности бытовали рубахи и с прямым, и с боковым разрезом ворота.

Классификация покроя мужских рубах Г. С. Масловой на стр. 581—588, на наш взгляд, нуждается в некотором уточнении. Автор не выделяет в особую рубрику рубахи без бочков, помещая их в ту же группу, что и рубахи с бочками (стр. 584). Более четкой была бы такая классификация:

А. Туникообразная рубаха.

I. Туникообразная рубаха с бочками:

- 1) прямыми,
- 2) по-топорному или в замок,
- 3) со скошенными боковыми полотнищами,
- 4) с боковыми клиньями,
- 5) колошкой.

II. Туникообразная рубаха без бочков:

- 1) длинная с узкими рукавами,
- 2) короткая с широкими рукавами.

Б. Рубаха с прямыми поликами.

В. Рубаха с нашивками на плечах.

Г. Рубаха на кокетке.

Говоря о способе ношения рубахи (стр. 590), Г. С. Маслова справедливо указывает, что ношение рубахи, заправленной в штаны, а не «на выпуск», имеет на территории Украины почти полуторатысячелетнюю древность. Следует лишь уточнить, что в древности костюм отличался от позднейшего украинского тем, что штаны были узкими, а не широкими. Иначе полемика автора с Ф. К. Волковым остается неясной, так как комплекс одежды с шароварами действительно можно назвать восточным. Сведения же Ибн-Даста и в особенности Ибн-Фадлана, приводимые автором в дальнейшем, могут быть неточны, потому что эти авторы, привыкшие видеть на востоке широкие шаровары, могли перенести этот термин и на штаны другого покроя. Кстати, термин «изор», употребляемый Ибн-Фадланом, может означать как широкие, так и узкие штаны, доходящие примерно до щиколоток. Как и русский термин «порты», он употреблялся и для обозначения одежды вообще¹⁷.

Описывая различные виды одежды, Г. С. Маслова кратко и убедительно показывает вытеснение одних форм одежды другими в результате различных причин: проникновения в деревню готового платья (например, вытеснение жилетом древней безрукавки, стр. 594), заимствования у соседних народов (например, венгерский мужской передник в Закарпатье, стр. 595) или распространения того или иного вида одежды, в связи с переселением отдельных групп, и длительного его бытования в новых местах обитания (распространение и сохранение до XIX в. комплекса женской одежды с сарафаном на юге в тех местах, где в XVI—XVII вв. устраивались поселения служилых людей для обороны границ Московского государства, стр. 642).

Большой интерес представляют приложенные к работе карты распространения типов мужских рубах и штанов, женской рубахи, женской поясной одежды и сарафана, женских головных уборов и, наконец, плетеной и кожаной самодельной обуви.

Много дают читателю краткие выводы, помещаемые автором в конце каждой главы. В чрезвычайно ценной главе «Основные типы традиционной одежды русских, украинцев и белорусов» в конце работы автор формулирует важнейшие выводы об историко-культурных связях восточных славян. Г. С. Маслова подчеркивает, что «общность древних элементов восточнославянской одежды обусловлена единством происхождения русских, украинцев и белорусов и наличием между этими народами глубоких историко-

¹⁵ А. В. Арциховский, Раскопки 1955 г. в Новгороде, «Вопросы истории», 1956, № 3, стр. 68.

¹⁶ А. В. Арциховский, Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1952 г., М., 1954, грамота № 43, стр. 45.

¹⁷ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», перевод под ред. акад. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939, стр. 81.

культурных связей» (стр. 751), и выявляет также те черты, которые обусловлены связями с соседними славянскими и неславянскими народами и взаимным проникновением отдельных элементов материальной культуры с глубокой древности до XIX—XX вв. Полемизируя с Д. К. Зелениным, она отрицает первенствующее значение моды, ссылаясь на большую устойчивость традиционной одежды (стр. 755), и вместе с тем убедительно показывает, как развитие новых социально-экономических отношений в стране ведет к вытеснению этой одежды так называемой «городской» современной одеждой, хотя и городская одежда в свою очередь получает некоторые черты определенного национального стиля (стр. 756—757). Следует, однако, сказать, что стремление автора объяснить распространение тех или иных видов традиционной одежды преимущественно перемещением групп населения не всегда правильно. Заимствования одежды в результате культурных связей между народами встречаются значительно чаще, чем это показано автором рассматриваемой работы.

Как и другие работы рецензируемого сборника, работа Г. С. Масловой по своему содержанию шире названия. Автор не ограничивается анализом собственно одежды, но касается всех областей внешнего убранства русских, украинских и белорусских мужчин и женщин. Мы найдем здесь и научное описание различных видов обуви, украшений, разного рода принадлежностей, носимых на поясе, и даже причесок и манеры носить усы и бороду в различные эпохи.

Иногда вызывают возражения отдельные мелочи. Так, автор совершенно прав в своей полемике с А. В. Арциховским, предположившим в свое время отсутствие поясов в одежде древнерусских женщин (стр. 689). Однако утверждать, что шерстяные пояса в земле не сохраняются, как это делает Г. С. Маслова, странно, так как при раскопках в Новгороде, Москве и других городах есть уже ряд находок шерстяных поясов. На стр. 696 Г. С. Маслова соглашается с Ибн-Фадланом, что древние славяне не носили ни курток, ни кафтанов. Но ведь тот же Ибн-Фадлан, описывая погребальную одежду знатного славянина, упоминает «гетры и сапоги, и куртку, и кафтан парчовый с пуговицами из золота... и шапку из парчи соболевую»¹⁸. Анализ этого описания удержал бы, может быть, Г. С. Маслову от согласия с некоторыми исследователями о том, что появление кафтана у восточных славян связано с татарским завоеванием (стр. 699).

Неясна и дальнейшая полемика автора с А. В. Арциховским, отрицающим широкое распространение у восточных славян плащей. Ведь сама же Г. С. Маслова признает, что «плащевидная одежда у восточнославянских народов не имела такого значения, как у западных славян» (стр. 697). И действительно, плащ был в основном торжественной одеждой знати или надевался воинами поверх брони, а позднее он совсем вышел из употребления. Анализируя кожаную деревенскую обувь, следовало бы учесть находку хорошо сохранившихся мужских башмаков оригинального покрова в одном из подмосковных курганов XIII—XIV вв. Эти мягкие башмаки с разрезом спереди, доходившим до подъема, были высотой 15 см и достигали немного выше щиколоток. Верх их выкраивался так, что с наружной стороны ноги он состоял из одного куска кожи, а с внутренней — из двух. В той же группе курганов (т. е. погребений, совершенных еще не по христианскому обряду) прослеживается интересная манера украшать мужские головные уборы металлическими крестиками¹⁹.

Мужская одежда казаков в основном тексте работы не описана и фигурирует только в выводах (стр. 744).

Все эти мелкие замечания отнюдь не снижают ценности работы Г. С. Масловой.

* *
*

Рецензируемый сборник богат иллюстрирован и снабжен хорошим научным аппаратом. Много помогают читателю подробные библиографические ссылки на каждой странице, точный перечень иллюстраций с указанием источников и предметно-терминологические указатели, помещенные в конце книги. Как всегда, в хорошей работе хочется видеть еще лучшее. Так, нам кажется, что среди 246 иллюстраций к сборнику могла бы найти место и сводная таблица типов планировки крестьянских усадеб, отсутствие которой сильно затрудняет понимание отдельных мест работы Е. Э. Бломквист. Не всегда соблюдено единство в терминологии. В работе того же автора мы можем найти ссылки то на старое административное деление (губернии), то на современное (области), а иной раз и на древние «земли» (например, Новгородскую). Пояснения терминов, столь необходимые в этой книге, даются то в основном тексте работы, то в подстрочных примечаниях (что, с нашей точки зрения, менее удобно). В работе Е. Э. Бломквист характеристика конструкции жилища нередко перебивается описанием способов заготовки того или иного материала (например, в анализе конструкции и материала кровли вклинилось описание станка для приготовления дроби). Это лучше было бы давать отдельно, в конце каждого раздела. Встречаются и некоторые неудач-

¹⁸ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», стр. 81 (разрядка наша. — М. Г.).

¹⁹ Г. П. Латышева, Раскопки курганов у станицы Матвеевская в 1953 г., «Материалы к изучению подмосковного села XIII—XIV вв.», Труды Музея истории и реконструкции Москвы, вып. V, М., 1954, стр. 52—54.

ные выражения. Так, горлатная шапка сравнивается с «расширяющимся кверху цилиндром» (стр. 598). Если имеется в виду головной убор «цилиндр» (который действительно иногда расширялся кверху), то шапка с ним не может быть сравнима, поскольку не имеет полей, обязательных для цилиндра. Если же речь идет о геометрической фигуре, то можно скорее говорить об усеченном конусе. Число подобных примеров можно было бы увеличить, но не они определяют ценность рецензируемой книги.

«Восточнославянский этнографический сборник» является одной из первых книг, обобщающих огромный материал, накопленный дореволюционной и советской этнографией. Он представляет собой крупный вклад в развитие этнографической науки и долгое время будет настольной книгой не только для исследователей этнографии восточных славян, но и для ученых ряда смежных специальностей. Хочется пожелать, чтобы такие обобщающие работы появились и по другим разделам материальной и духовной культуры восточных славян.

М. Г. Рабинович

В. И. Чичеров. *Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков (Очерки по истории народных верований)*. Труды Института этнографии Академии наук СССР. Новая серия, т. XL, М., 1957, 236 стр.

Рецензируемое исследование В. И. Чичерова, одного из виднейших деятелей советской фольклористики, безвременно скончавшегося в 1957 г., — его докторская диссертация, успешно защищенная им в 1948 году.

Русский земледельческий календарь до последнего времени оставался по существу неизученным. Как правильно было отмечено В. И. Чичеровым в послесловии к его книге, в отношении русских календарных обрядов и обрядового фольклора укоренился взгляд, что они представляют собой искажение материала, более полноценно сохраняемого украинцами и белорусами. Поэтому в научной литературе специально русскому обрядовому фольклору уделялось мало внимания, а обычно рассматривался восточнославянский календарно-обрядовый фольклор в целом. Между тем силами многих собирателей-этнографов и фольклористов — в области русского народного календаря за XVIII—XX вв. накоплен большой материал наблюдений и фактов. Важные данные имеются также в памятниках древнерусской письменности и изобразительного искусства.

Справедливо придавая большое познавательное значение календарно-обрядовому фольклору как отражению народного сознания в его историческом развитии, В. И. Чичеров поставил своей задачей систематизацию, научное обобщение и освещение накопленных материалов. Ограничив себя, ввиду обширности этих материалов и сложности задачи, пределами зимнего земледельческого календаря, В. И. Чичеров привлек огромное количество фактов, которые и подверг конкретно-историческому изучению в связи со спецификой экономического и культурного развития русского народа. Это дало ему возможность выделить как общие черты в зимнем обрядовом фольклоре всех славянских народов, так и своеобразие русского зимнего календаря. Насыщенность исследования фактическим материалом и конкретно-историческое его изучение — одно из больших достоинств книги.

Основной пафос работы — в раскрытии органической связи календарных обрядов и фольклора с трудовой деятельностью крестьян. Автор не затушевывает религиозной направленности многих аграрных обрядов и связанного с ними фольклора. Но он указывает ошибочность безоговорочного и полного отнесения всех обрядов к области религии. Среди них должны быть выделены такие, которые действительно отразили народные верования и совершались в определенные периоды жизни народа с магическими целями, а с другой стороны, и такие, в которых ясно видны элементы стихийно-материалистического осознания мира, обусловленные практическим опытом народа — наблюдениями над состоянием природы, прибыванием или убыванием солнечной энергии, снегом, дождем и т. п. Первую группу обрядов В. И. Чичеров понимает как сложный комплекс пережиточных явлений, восходящих к дохристианской эпохе, и так называемого бытового православия, которое автор определяет как «своеобразную, созданную крестьянством редакцию христианской религии» (стр. 9).

Таким образом, истоком обрядовой поэзии была, по словам В. И. Чичерова, «жизнь, общественная и трудовая деятельность, к которой присоединялось стремление использовать силы, созданные воображением человека» (стр. 10). Это и определило наличие в быту русского крестьянства обрядовой поэзии.

Таковы общие методологические предпосылки автора, в свете которых он и рассматривает собранные в книге материалы и которые определили новаторский характер его труда.

Книга состоит из шести глав. В главе I, носящей характер введения, изложены указанные выше исходные положения и дан общий обзор русского земледельческого календаря и его циклов. Автор прослеживает производственную основу календаря, фиксирующего важные для земледельца наблюдения над природой в течение всего